

С.В. ЯРОШЕНКО

ЖЕНСКАЯ ЗАНЯТОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЕНДЕРНОГО И СОЦИАЛЬНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ

Исследования стратегий занятости зарегистрированных бедных показали, что в конце 90-х годов, при кризисной ситуации на российском рынке труда, возросла ответственность женщин за содержание семьи. Увеличилось число одиноких матерей, а также семей, где в силу экономической несостоятельности мужчины основным кормильцем стала женщина. Даже при стабильной и относительно высокой заработной плате мужа семья не могла обойтись без женских доходов. В отличие от советского времени уже не удавалось совмещать ведение домашнего хозяйства с удобной, но низкооплачиваемой работой: заработки не компенсировали временных затрат. Не помогала выйти из бедности и социальная поддержка — преимущественно женское средство решения материальных проблем. Единственным способом оставалась трудовая мобильность. Однако многие женщины, с одной стороны, принимали на себя мужские роли, все активнее включаясь в обеспечение семьи, с другой — по-прежнему стремились совместить это с работой по дому, ориентируясь на не слишком интенсивную работу и, соответственно, невысокую оплату. Такую ситуацию «гендерного сбоя» мы назвали инверсией.

В данной статье мы обратимся к тем случаям, когда женщины в условиях острой нехватки средств переходят в более высокооплачиваемые сегменты занятости вопреки сложившейся практике полового разделения труда. Вопреки традиции представления россиянок «жертвами» патриархатного порядка [1] мы делаем акцент на проявлениях женской субъектности в выборе форм занятости и способов преодоления нужды. Анализируемые случаи демонстрируют активную (мобильную) женскую позицию на рынке труда, приведшую к профессиональной самореализации, повышению заработной платы и удовлетворенности. Такие стратегии мы условно обозначили как «мужские»: они приводят к выходу за рамки домашней сферы, ориентации на обеспечение семьи и зачастую реализации в «маскулинизи-

Ярошенко Светлана Владимировна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Института сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО). **Электронная почта:** yaroshenko@online.ru

Автор выражает благодарность С. Ашвин, И.Н. Тартаковской и П. Кротову, а также всем участникам гендерного проекта. Исследование проведено при финансовой поддержке ИНТАС (INTAS–97–20280), научный руководитель — С. Ашвин.

рованных» отраслях и сегментах занятости. На первый взгляд, это логичное развитие властной позиции женщины внутри семьи, приводящее к включению ее в зону традиционно мужской ответственности. Но происходит ли здесь на самом деле маскулинизация женской позиции? Становится ли женщина «равной мужчине» в публичной сфере (на рынке труда)? Удастся ли ей решить материальные проблемы семьи с помощью работы? Каким образом, с помощью каких ресурсов она реализует свое желание больше зарабатывать? И наконец, связано ли это с перераспределением семейных обязанностей, с трансформацией отношений прежнего типа между домашней работой и оплачиваемой занятостью?

Эмпирической базой исследования являются интервью, взятые в семьях, которые получили статус нуждающихся в органах социальной защиты Республики Коми в 1999 г. Респонденты различались по своим материальным и социальным ресурсам, возможностям их использования, а в связи с этим — по степени исключения из рынка труда и включения в систему социального обеспечения, но все они являлись работающими бедными. За два года лонгитюдного исследования (1999–2001) уровень жизни большинства из них остался неизменным. Поэтому особый интерес представляют примеры улучшения или ухудшения экономической ситуации и то, насколько они связаны с работой. С одной стороны, преобладание мужчин на полюсах нуждаемости (в двух крайних группах: социально-исключенных и состоятельных бедных) наряду с явной подвижностью женщин свидетельствует о существовании механизма, мешающего последним решить материальные проблемы с помощью работы и удерживающего их в числе работающих бедных. С другой — рост ответственности женщин за содержание семьи в таких условиях свидетельствует о наличии ресурса, который позволяет им быть мобильными и успешными на рынке труда.

Женщины были выбраны для анализа из-за их повышенной активности, а также связанной с ними противоречивой ситуации: при явной тенденции к феминизации бедности в России [2] в условиях инволюции домохозяйства женщины из рабочих семей более адаптивны [3]. Мы покажем, что трудовая мобильность женщин из бедных семей не связана с уменьшением дискриминации или гендерной сегрегации. Напротив, происходит институционализация женского выживания, а трудовая мобильность — это процесс дальнейшего встраивания женщин в модель двойной ответственности за обеспечение семьи. Данный процесс становится эффективным лишь благодаря семейной кооперации и перераспределению обязанностей. При традиционной идеологии и сохранении гендерных диспропорций в оплате труда стремление женщин зарабатывать реализуется путем инвестирования семейного и сетевого ресурсов в профессиональную карьеру.

еру. Основными каналами восходящей мобильности женщин на рынке труда становятся не профессиональная специализация, а переход в благополучный сектор экономики, служебный рост или предпринимательство.

Примеров восходящей трудовой мобильности женщин немного, и они демонстрируют один и тот же механизм гендерного исключения: одних женщин он побуждает работать в «феминизированной» (непрестижной и малооплачиваемой) сфере, а других — осваивать новые виды активности и делать карьеру, больше ассоциируемую с «мужским» типом поведения. Конструктивный опыт такой мобильности может быть полезен при проведении социальной политики.

Механизм гендерного исключения на рынке труда: опыт повседневного совладания с бедностью

При становлении национального рынка труда ситуация «производства гендера» становится прозрачной. Однако работ, анализирующих механизм конструирования гендерных позиций в сфере занятости, не так уж много [4, 5]. Остается открытым вопрос о том, как действуют субъекты с разным гендером в подвижной, постоянно меняющейся ситуации социальной трансформации, в частности, в условиях формирования национального рынка труда, распространения бедности на работающих и, что наиболее важно для нашего исследования, в случае изменения гендерного порядка.

Гендерная идентичность наряду с другими условиями создает как препятствия, так и особые возможности для доступа к материальным и дискурсивным ресурсам [6, p. 145]. Отчеты Всемирного Банка по России свидетельствуют о преобладании женщин среди нуждающихся. В настоящее время отмечается сокращение возможностей перехода в благополучные слои и формирование реальной — устойчивой — группы постоянно бедных, или андекласса, характеризуемой очень низкой материальной обеспеченностью и последовательным исключением из рынка труда и системы социальной защиты [7]. Гендерный механизм воспроизводства бедности в нашей стране еще мало изучен.

Рассмотрим узловые моменты взаимосвязи работы (трудовой мобильности) и бедности (социального исключения) в гендерной перспективе, уходящей корнями в советское время. Основу материального и гражданского благополучия тогда составляла позиция в иерархии рабочих мест, через которые распределялись привилегии. Любая, даже малоквалифицированная работа позволяла обеспечить социальный минимум; единственную угрозу «достойному» и состоятельному образу жизни представлял рост числа иждивенцев в семье. По этой причине именно семьи с повышенной долей иждивенцев: многодетные, неполные, содержащие инвалидов — признавались официально бедными (малообеспеченными), и ответственность за их содержание брало на себя государство.

Конечно, здесь существовала гендерная подоплека. С одной стороны, ускоренная индустриализация советской России и активное включение женщин в сферу занятости в корне изменили систему жизнеобеспечения домохозяйства: двойная ответственность за обеспечение являлась основным условием достатка советской семьи. С другой — право советских женщин на труд не изменило традиционных по сути взаимоотношений между мужчинами и женщинами: женская работа считалась вспомогательной и, соответственно, оценивалась и оплачивалась ниже мужской. Домашний кодекс деформировал процесс включения женщин в трудовые ресурсы: препятствовал карьерным устремлениям и вел к профессиональной сегрегации женщин в низкооплачиваемых и непрестижных отраслях.

Скрытая эксплуатация, феминизация наименее престижных и малоинтеллектуальных сфер деятельности, торможение профессионального продвижения, базирующееся на стереотипах общественного сознания, — таковы основные проявления сегрегации женщин в советское время [8, с. 59]. В этих условиях при выборе работы женщины ориентировались на близость к месту жительства, удобный режим работы, наличие при производстве детского сада [8, с. 65; 9, с. 55].

Таким образом, советский гендерный порядок базировался на заинтересованности государства в расширенном воспроизводстве рабочей силы, что достигалось включением женщин в рынок труда при одновременном сохранении за ними репродуктивных функций и ответственности за домашнее хозяйство. Тем самым советское государство разрушало властные позиции патриархальной семьи, активно вмешивалось в частную жизнь, подчиняло сексуальность и гендерные отношения своим интересам [4, 10]. Однако женщины были лидерами домашней (частной) сферы, остававшейся в условиях авторитарного режима единственно возможным местом проявления автономности и свободы выбора [11]. Их лидерство в семье не требовало более высокой по сравнению с мужчинами экономической активности и результативности [12].

Рыночные реформы 90-х годов в России разрушили основания прежней системы жизнеобеспечения. Спад производства, скрытая безработица и инфляция спровоцировали стремительную нисходящую мобильность ранее состоятельных слоев населения. Центр деловой активности сместился с производства в сферу домашней экономики и сетевых отношений, что в свою очередь укрепляло позиции женщин. Однако домашняя экономика позволяла лишь поддерживать материальный уровень, но не преодолеть бедность. В свою очередь не мог компенсировать утраченных благ формирующийся институт государственной поддержки социально уязвимых групп [12]. Оплачиваемая занятость, как и прежде, составляет основу материального достатка и восходящей мобильности. Но теперь не только достаток,

но и обеспечение социального минимума определяется прежде всего положением в отраслевой и должностной иерархии. Безработица или получение заработной платы ниже прожиточного минимума более вероятны в тех сегментах оплачиваемой занятости, которые исключены из числа приоритетных и стратегических. Это хорошо видно на примере региональных, отраслевых и должностных различий в оплате труда.

В подобных условиях механизм гендерного исключения стал очевидным; он приобрел дополнительные свойства, отчетливо заметные на фоне прежней институциональной матрицы отношений между полами. Так, несмотря на пропаганду возврата женщины в семью, уровень работающих женщин остается высоким. По данным Госкомстата РК, в 1999 г. в республике было занято 52% женщин, тогда как в 1990 г. таковых было 48% [13, с. 43–46]. Рост экономической активности женщин отчасти объясняется отраслевой и профессиональной реструктуризацией, которая, по мнению исследователей, более благоприятствовала женщинам: традиционно мужские отрасли тяжелой промышленности приходили в упадок, рос сектор услуг [4, с. 63]. Статистика демонстрирует общее снижение численности занятых в промышленности и строительстве, а также перераспределение работников в пользу отраслей нематериальной сферы. Женская мобильность по-прежнему ущербна: перемещение происходит в малооплачиваемые, типично женские отрасли народного хозяйства¹. Одновременно отмечается более быстрое по сравнению с мужчинами выбывание женщин из промышленности и строительства — наиболее высокооплачиваемых отраслей, а также их преимущественное перетекание в торговлю, образование и здравоохранение — менее оплачиваемые отрасли. Мужчины же продолжают сохранять преимущество в материальном производстве и активно осваивают строительство, торговлю, финансы и управление.

Данные статистики дополняют результаты социологических исследований, фиксирующие признаки самоисключения в поведении работниц на рынке труда. Женщины значительно реже мужчин добровольно меняют работу [15, р. 179] и предпочитают держаться за малооплачиваемые места [15, р. 196]. При поиске новой работы они больше обращают внимание на график и условия труда, тогда как мужчины — на размер заработной платы [15, р. 178]. Таким образом, сложившаяся сегментация рынка труда, а также советские стереотипы женской работы и собственно предпочтения женщин составляют механизм гендерного исключения. Тем не менее с 1991 г. ситуация

¹ Официальная статистика отмечает сферы преимущественно женской занятости: это торговля, образование, культура, связь и кредитование — отрасли с более низкой, по сравнению с остальными, средней заработной платой. Там, где оплата труда выше, женщины получают гораздо меньше мужчин [14].

постепенно меняется [15, р. 178]. Женщины при поиске работы начинают вести себя «по-мужски», актуализируя вопросы дохода и профессионального роста. Насколько значимыми станут эти процессы, покажет время. Пока исследователи склоняются к мысли, что на практике происходит закрепление более низкого статуса женщин в рабочей силе.

На наш взгляд, значительный потенциал активности, обеспеченный высокой вовлеченностью женщин в сферу занятости, сетевые отношения, а также сильные властные позиции внутри семьи могут стать решающими в формировании нового, более эгалитарного гендерного порядка, при котором основной акцент смещается в сторону семейной кооперации при разрешении материальных вопросов. Считается, что эта кооперация основана исключительно на усилении ответственности женщин, а значит, на двойной нагрузке, что дает еще один аргумент сторонникам инволюционной теории развития России. В данной статье мы постараемся показать, что такая интерпретация не отражает ситуации тех категорий населения, которые преодолели синдром нисходящей мобильности. Конструктив может создать лишь постепенный переход женщин в благополучные отрасли экономики, смена профессии, повышение статуса и развитие предпринимательства и одновременно — перераспределение обязанностей между членами семьи. Поскольку у малообеспеченных женщин, как правило, невысокий образовательный и профессиональный уровень, для них большое значение могут иметь домашний и сетевой ресурсы, а также возможность получения пособий. Домашний ресурс и пособия способствуют упрочению советского гендерного порядка, основанного на исключительной силе женщины внутри семьи; сетевой ресурс, напротив, станет фактором реализации в сфере занятости.

Векторы женской трудовой мобильности на нестабильном рынке труда

Рассмотрим стратегии занятости с точки зрения предпочтений при выборе, смене или сохранении имеющегося рабочего места. Доходность рабочего места используется в нашем анализе в качестве основной характеристики трудового поведения (трудовой мобильности). Предполагается, что при наличии материальных проблем именно размер заработной платы будет решающим фактором сохранения или смены рабочего места. Недоходные характеристики занятости — рабочий график и условия труда — объединены под названием «удобная работа» [7]. Таким образом, векторы стратегий занятости, в которых реализуются гендерные проекты, образованы двумя измерениями: 1) низкооплачиваемая / высокооплачиваемая работа; 2) удобная / неудобная работа.

Индикатором отнесения работы к высокооплачиваемой или низкооплачиваемой стал установленный по городу прожиточный минимум.

Критерием отнесения работы к удобной или неудобной были характеристики «удобства», с помощью которых респонденты объясняли причины сохранения данного рабочего места или его смены.

Общее число работающих женщин на первом этапе нашего исследования — 20, неработающих — 9. На последнем этапе 22 женщины работали и 7 — нет.

На первом этапе почти половина всех занятых информанток (9 человек) занимала рабочие места со щадящим графиком работы и низкой оплатой. Как правило, это были места уборщиц, санитарок, секретарей, воспитателей и социальных работников на относительно стабильных государственных и бывших государственных предприятиях города. Следующей по наполняемости была позиция с низкими заработками и неудобным графиком работы. В эту категорию вошли не только неквалифицированные работницы (посудомойки, уборщицы) частных предприятий, но и специалистки (бухгалтер, учительница музыки, воспитательница в гимназии), чья низкая заработная плата не соответствовала интенсивной и ответственной работе, требующей зачастую внеурочного времени. Менее распространенными среди женщин были позиции, когда заработная плата была выше прожиточного минимума, а работа была удобной. В основном это была работа на относительно высоких должностях, таких как заведующая педагогической практикой, или на престижных предприятиях, выплачивающих более высокую заработную плату все тем же санитаркам или уборщицам. В эту же категорию входили предпринимательницы. На первом этапе среди наших информанток не было занятых на относительно высокооплачиваемых, но неудобных местах.

Последний этап характеризует изменения, произошедшие за два года исследования. Сократилось число занятых на удобных, но малооплачиваемых работах и, напротив, заполнилась позиция с неудобными, но высокооплачиваемыми рабочими местами. Косвенным образом это подтверждает тезис о том, что в условиях материальных лишений происходит трансформация женской стратегии занятости: женщины в поисках работы все больше ориентируются на доход в противовес «удобству», на содержание семьи в противовес ведению домашнего хозяйства. Однако движение из одного сектора занятости в другой не было прямолинейным. Большая часть изменений была двухступенчатой, через состояние безработицы или работу на низкооплачиваемых и неудобных местах. Поиск более оплачиваемой работы осуществлялся с помощью типичных трудовых перемещений: изменения места жительства, перемещения в благополучный сегмент занятости, повышения образования или квалификации, развития про-

фессиональной карьеры. Примерно половина исследуемых «мобильных» женщин реализовалась в этом направлении. Так, четверо безработных занялись предпринимательством. Трое (бухгалтер, учительница музыки и социальный работник) перешли на более оплачиваемые должности. Одна информантка из предпринимателей оказалась в рядах безработных, затем работала сторожем и лишь затем стала завхозом гимназии. Наиболее доходными, позволяющими зарабатывать больше партнера и, по существу, быть кормильцем, для женщин стали рабочие места на благополучных государственных или бывших государственных предприятиях, а также предпринимательство.

Каким образом происходит передвижение женщин в сегменты занятости, отличающиеся высокой заработной платой и интенсивностью, и как это отражается на «гендерном укладе» (термин Б. Пфау-Эффингер [16]), мы покажем на нескольких примерах.

Женский проект занятости: сценарии успеха

Мы отобрали три примера, которые характеризуют различные векторы трудовой мобильности: Валя — из предпринимателей перешла на должность завхоза школы; Оля — из воспитателей дошкольной гимназии переквалифицировалась в социальные работники, где за год работы доросла до начальника отделения социальной службы; наконец, Лена после длительной безработицы нашла себя в предпринимательстве. Все три женщины определили свою стратегию занятости как успешную: сочли свою работу приносящей удовлетворение и доход. Все три были замужем и имели детей. Семейные пары были выбраны для того, чтобы более очевидными были изменения во взаимодействиях мужчин и женщин, влияние этих взаимодействий на трудовую мобильность последних. Следует отметить, что из десяти случаев, когда семьи наших информанток улучшили свое материальное положение², в семи это произошло в связи с изменениями в работе женщин, в трех — благодаря стараниям мужей/партнеров и только в одном — благодаря социальной поддержке (пособие по опекунству). Изменения в трудовой практике рассмотрены сквозь призму решения материальной проблемы. В каждом случае изменения в статусе занятости связаны с увеличением интенсивности работы и заработной платы.

Сильная женщина: испытание мужеством

Трудовой путь Вали демонстрирует перспективы профессиональной реализации советской женщины, связанной с «ненадежным»

² Из 60 опрошенных в Сыктывкаре только в 13 случаях семьи информантов преодолели бедность или их материальная ситуация заметно улучшилась (3 случая «мужских» и 10 «женских»).

мужчиной. Становление ее профессиональной карьеры пришлось на 70-е годы. Одновременно с учебой в лесотехническом техникуме она начала работать в одной из строительных организаций, где более чем за двадцать лет приобрела солидный опыт хозяйственной работы и множество связей. Даже создание семьи и рождение ребенка не надолго оторвали ее от работы.

В середине 90-х годов спад производства затронул и ее некогда стабильную и преуспевающую строительную организацию. Задержки заработной платы стали основной причиной увольнения. Расстроились отношения с первым мужем. Характерной чертой второго мужа почти с самого начала была «невидимость» — отсутствие дома как в физическом, так и в символическом смысле — ни денег, ни помощи по хозяйству. Поэтому Валя начала поиски более высокооплачиваемого места. На первом этапе исследования Валя (возраст 43 года) занималась предпринимательством. До этого она как безработная почти год была зарегистрирована в Службе занятости и искала работу на «приличном» предприятии. Однако восемь месяцев в роли домохозяйки привели Валью к депрессии. (Другие наша информантки также отмечали, что длительная безработица постепенно приводила к бездействию и в домашней сфере.) Поэтому Валя была готова к любой работе, даже бесплатной, но только вне дома.

Выходом из тупика стало приглашение подруги работать на ее частном ремонтном предприятии. Новая работа давала ощущение независимости и свободы, позволяя совмещать ведение домашнего хозяйства с его минимальным обеспечением. Однако спустя три месяца Валя вновь оказалась без работы: из-за невыгодности предприятие было закрыто. С помощью знакомых она устроилась сторожем в один из элитных кооперативов. Она по-прежнему отвечала за содержание семьи. Ее муж также числился безработным, подрабатывал сторожем. Совместный доход составлял 1600 рублей.

Удачное развитие событий привело Валью на должность завхоза гимназии: «Это мужская работа, но мне удобно, и я привыкла так работать: дома практически не бываю, но работы своей не замечаю» [настолько она интересна]. Доходной ее назвать сложно: «Если у меня сейчас две тысячи есть, то мне хватает на сына и на меня. Муж не бывает дома неделями, работает коммерческим директором частной лесозаготовительной фирмы в районе, приезжает только на выходные, доходов особых нет... Я только на себя надеюсь...».

По существу, в результате всех перемещений Валя вернулась к должности, которую занимала в советское время. Мало что изменилось в ее семейной жизни, где она продолжает оставаться основным кормильцем и делить с мамой домашние обязанности.

Примечательно, что Валины нормативные установки прямо противоположны ее опыту: она считает, что за обеспечение семьи должен отвечать мужчина. Это распространенная советская норма, как показывает пример с Валей, нарушалась и в советское время. С приходом рыночных реформ рассогласование практики с данной нормой стало более распространенным, что создало более прочные основания для изменения последней.

Женщина, по мнению Вали, должна быть домохозяйкой и выбирать себе профессии, ориентированные «на красоту»: косметолога, парикмахера, модельера, портного и т. д. Фактически представления Вали о разделении труда реализовались с точностью до наоборот. Именно снижение участия партнера в домашней сфере, а не низкая зарплата, ведут к размолвкам. «Двойной» нагрузки Валя стремится избежать: она не отказывается от интенсивной оплачиваемой работы, а пытается договориться о перераспределении домашних обязанностей. Данный пример показателен также с точки зрения влияния на трудовую карьеру «женских» связей. Именно личностные контакты, а не опыт работы и профессиональные навыки все два года помогали ей находить работу.

Карьера советской женщины: испытание ответственностью

Во время первого интервью Оля только что стала воспитателем дошкольной прогимназии и была недовольна недоходной и неудобной работой. Она мечтала о том, «чтобы была гибкая работа, чтобы знать, что у меня дети не одни». Такая установка во многом была сформирована ее опытом советского времени. До начала 90-х годов семья не испытывала материальных проблем, и Оля устраивалась на работу только для получения пособия и накопления стажа (а также во избежание нареканий со стороны властей и пересудов). Без специальности она могла претендовать только на непрестижные и малооплачиваемые места уборщицы или сторожа. Поэтому она предпочитала реализовываться в семье, в продолжительном (около 6-ти лет) отпуске по уходу за детьми.

Рыночные реформы круто изменили Олины трудовые ориентации. Зарплаты мужа катастрофически не хватало на удовлетворение минимальных потребностей. Отсутствие специальности не позволяло надеяться на хорошую работу с удобным графиком и приличной зарплатой. В 1996 г. она поступает учиться в педагогический колледж: там можно учиться заочно, не работая. В 1999 г., накануне окончания учебы, материальная ситуация становится критической, и Оля регистрируется сначала в социальной службе как нуждающаяся, а затем (после изменения условий регистрации малообеспеченных в регионе) в Службе занятости. Поскольку в тот момент государственная поддержка была выгоднее, чем работа, какое-то время она ходила

по предлагаемым вакансиям с «отказным» листом. Такого рода демонстрация активного поиска работы была прервана через полгода: «Мне вот один раз предложили дояркой быть. Я отказалась, и меня лишили пособия». После окончания колледжа Оля устроилась по новой специальности — воспитателем дошкольной гимназии. Но ее не устроил график работы и мизерный оклад в 280 рублей. Ради неполного рабочего дня Оля стала социальным работником. Неудовлетворенность низкой заработной платой сохранялась. К концу нашего исследования она нашла новую работу. Это было связано не со сменой профессии или предприятия, как раньше, но всего лишь с продвижением по службе: Оля стала заведующей одного из отделений скорой социальной помощи. От прежней неудовлетворенности не осталось и следа. Ключевым объяснением стал «интерес», а не самостоятельность. Именно он компенсировал рассогласование данной трудовой траектории с Олиным идеальным представлением о «женской работе»: легкой, с неполным рабочим днем — ради общения, а не денег. На деле интересная работа потребовала больших временных затрат. Немалую роль здесь сыграла и помощь мужа по дому.

Таким образом, продвижение по службе — столь редкий вид трудовой мобильности среди наших информанток — в данном случае было результатом нахождения оптимального рабочего места, позволяющего зарабатывать и вести домашнее хозяйство. Поскольку рынок «удобных» мест оказался ограниченным, поиску работы предшествовала учеба, получение новой специальности.

Успешная занятость постсоветской женщины: испытание риском

В момент первой встречи Лена, как и большинство наших информанток, находилась в тяжелой материальной ситуации и была зарегистрирована как нуждающаяся и безработная после закрытия частного предприятия, где она проработала около полугода продавцом по продаже бижутерии. Работа ее устраивала в первую очередь «удобством»: «Не в любом месте я могу проработать четыре часа». Другим немаловажным преимуществом был доход: «В среднем столько же получалось, сколько в других магазинах, где работают с утра до вечера». И наконец, работа позволяла ощутить свою востребованность.

В течение года Лена не могла устроиться по своей специальности товароведа на хорошее место, где не надо «работать много, а получать мало». Вакансии службы занятости были малооплачиваемыми и неудобными. В период поисков она столкнулась с дискриминацией со стороны как Службы занятости, так и работодателей. Первые отказы принимали ее на учебу, апеллируя к ее молодости и красоте: «Ну, девушка, вы же такая красивая, вы же найдете себе работу. Ну,

зачем вам работать, вы же такая красивая». Вторые сомневалась в трудоспособности Лены из-за маленького ребенка.

Испытав на себе все тяготы безработного состояния, Лена, как и другие наши информантки, пришла к заключению, что можно работать на любой работе при условии относительно высокого заработка. Она пыталась устроиться на ЛПК (самое благополучное предприятие города и заветная мечта многих горожан). Высокая зарплата смирля с тяжелыми условиями труда и неудобным графиком. Но ее связи для этого оказались недостаточно.

Учеба сразу в двух местах: на курсах бухгалтеров и на заочном отделении юридического факультета института — была для Лены средством самореализации и залогом будущего трудоустройства. Поэтому она испытала настоящий стресс, когда после окончания бухгалтерских курсов вновь столкнулась с безработицей.

Лена продолжала учиться на юридическом факультете, но надежд на быстрое трудоустройство в качестве юриста также было немного. В ситуации, когда профессиональные навыки не способствуют продвижению, единственный выход она видела в связях: «Я надеюсь, что мне кто-то поможет найти работу. Ходить по предприятиям бесполезно».

И действительно, при содействии подруги Лена занялась частным предпринимательством — «челночным бизнесом» и торговлей на рынке. К концу исследования она уже год как вела свое дело: ездила за товарами в Москву, разрешала вопросы с налоговыми инстанциями, контролировала наемную работницу и т. д. Дело оказалось рискованным, но прибыльным. Уже в первые месяцы работы она рассчиталась с долгами. Торговый оборот — около 15-ти тысяч рублей (\$500) — поддерживался ежемесячно, и по мере необходимости деньги из оборота могли использоваться на семейные нужды. Личные доходы колебались от 2 до 10 тысяч в зависимости от сезона. По сравнению с зарплатой мужа, работающего в охране и получающего около 3-х тысяч рублей, ее доходы были значительными и составляли основу бюджета. Впервые Лена ощутила достаток и осознала себя кормильцем семьи. Кроме того, эта работа ей нравилась: тем, что получается, и тем, что не поглощает все ее свободное время. Параллельно она окончила учебу на юридическом факультете и планировала устроиться по специальности, не закрывая собственного дела. Как мы видим, стратегии мобильности в условиях постоянных изменений характеризуются отсутствием долгосрочных планов. По этой причине все попытки исследователей найти здесь стратегию в классическом виде не венчаются успехом.

Как и в двух предыдущих случаях, в примере с Леной женские связи оказались эффективным средством решения проблем на рынке труда: она смогла поступить учиться и заняться частным бизнесом

благодаря содействию подруг. Еще одним важным фактором здесь стала помощь семьи: муж взял на себя дополнительные обязанности по дому, отец помогал деньгами и т. п. Таким образом, в условиях материальных лишений переход женщин в более высоко оплачиваемые области стал возможен не в силу изменения ситуации на рынке труда, а благодаря использованию семейного и сетевого ресурса.

Все эти три успешных женщины — представительницы разных поколений, начавших трудовую жизнь в 70-х, 80-х и 90-х годах. Их трудовые биографии отражают изменения гендерного порядка у «советских» и постсоветских женщин.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ries N.* The Burden of Mythic Identity: Russian Women at Odds with Themselves // *Feminist Nightmares: Women at Odds. Feminism and the Problem of Sisterhood* / Ed. by S.O. Weisser, J. Fleicher. New York: New York University Press, 1994.
2. *Прокофьева Л.М. и др.* Феминизация бедности в России: Макроэкономический анализ феминизации бедности в России // Сборник докладов, подготовленных для Всемирного Банка. М.: Изд-во «Весь мир», 2000.
3. *Burawoy M., Krotov P., Lytkina T.* Domestic Involution: How Women Organize Survival in a North Russian City // *Russia in the New Century: Stability or Disorder?* / Ed. by V. Bonnel, G. Breslauer. Westview Press, 2000.
4. *Ашвин С.* Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 63–72.
5. *Тартаковская И.* Мужская работа, женская работа // Рубеж. 2000. № 16–17. С. 87–101.
6. *Jackson C., Palmer-Jones R.* Rethinking Gendered Poverty and Work // *Gendered Poverty and Well-Being*. Blackwell, 2000.
7. *Ярошенко С.* Бедные северного села трансформирующейся России: Двойное исключение // *Экономическая социология*. 2001. Т. 2. № 5. С. 59–78. [file://www.ecsoc.msses.ru](http://www.ecsoc.msses.ru)
8. *Раковская О.А.* Особенности становления профессиональной карьеры женщин // *Гендерные аспекты социальной трансформации*. М.: Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН, 1996. С. 58–73.
9. *Мальшичева М.М.* Гендерная политика и социальная ситуация в России // *Молодежь России на рубеже 90-х годов*. Кн. 1. М.: Институт социологии РАН, 1992.
10. *Aristarkhova I.* Women and Government in Bolshevik Russia // *Labour Studies Working Papers*. 1995. No. 4.
11. *Mische A.* Post-Communism's «Lost Treasure»: Subjectivity and Gender in a Shifting Public Sphere // *Praxis International*. 1993. Vol. 13. No. 3.

12. Ярошенко С. В пути к теории русского феминизма // Женщина не существует: Современные исследования полового различия / Под ред. И. Аристарховой. Сыктывкар, 1999.
13. Женщины и мужчины Республики Коми: Цифры и факты 2000. Статистический сборник. Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2000.
14. Женщины и мужчины Республики Коми: Статистический сборник. Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 1998.
15. Clarke S. The Formation of a Labor Market in Russia. Cheltenham: Edward Elgar, 1999.
16. Пфау-Эффингер Б. Опыт кросс-национального анализа гендерного уклада // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 24–35.